

УДК 28.2-6(=811.512.145)

ИСЛАМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В СРЕДЕ ТАТАР УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РОСТ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

А. К. Идиатуллов

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, 432700, Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4
AzKoIdiat@yandex.ru

Описаны специфика исламского возрождения татар и основные исламские течения в Ульяновской области. Организованные с 2008 по 2014 г. десять интервью, два анкетирования позволили получить материалы, характеризующие религиозность татар. Выделены общие тенденции в религиозной жизни Ульяновской области, проанализировано взаимодействие традиционных мусульман и представителей нового мусульманского движения.

Ключевые слова: ислам, татары, религиозность, мечеть.

На территории Ульяновской области сложилась зона компактного проживания субэтноса поволжских татар-мишарей различных групп (буинских, хвалынских), проникновение которых на территорию региона относят к первой половине XVII в. и связывают со строительством оборонительных засечных линий. Численность татар в 2010 г. составила 149873 человек (11,6% от населения области) [Население по национальности, 2010]. Традиционная религия татар изучаемого региона – ислам суннитского толка ханафитского мазхаба.

Целью статьи является выявление специфики исламского возрождения у татар Ульяновской области в конце XX – начале XXI в. на основе анализа десяти глубинных интервью (с верующими, духовенством и экспертами), анкетирования (две выборки по 420 и 41 респонденту в 2008–2009 и 2014 гг. соответственно), материалов архивов и наблюдений, полученных автором в ходе многолетних исследований (2008–2014 гг.), а также результатов реализации проекта «Татары в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и проблемы идентичности» (2014 г., рук. Р. Н. Мусина).

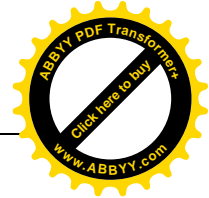
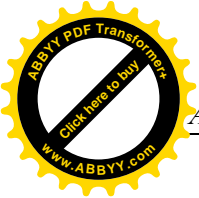
Таблица 1

Мусульманские организации на территории Ульяновской области (1988–1990 гг.)
(ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 3. Д. 25. Л. 1)

Год	Количество организаций
1987	6
1989	11
1990	21

Возрождение ислама у татар Ульяновской области, начавшееся на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. и вызванное сначала общей демократизацией государства, а затем и предоставлением конституционного права на свободу вероисповеданий, ознаменовалось, кроме прочего, строительством мечетей (см. табл. 1, 2). Например, в 1992 г. в с. Новые Маклауши на добровольные пожертвования местных жителей и колхоза «Прогресс» был построен минарет, увенчанный шпилем с полумесяцем [Воробьев, 1997]. Благодаря деятельности религиозного общества мусульман «Байм Аллах» (Дом Аллаха) в г. Ульяновске в 1995 г. основали Институт исламских наук и начала выходить одноимённая газета религиозного содержания тиражом в 5 тыс. экземпляров. В 2008 г. в Старой Кулатке открыли мечеть «Сафия», ставшую уже пятой мечетью в районном центре и 25-й в районе.

Ренессанс ислама, проявляющийся и сегодня в строительстве мечетей, увеличении числа приходов, активизации общественной деятельности уммы, не всегда имеет выражение в обрядовой практике и религиозном опыте татар Ульяновской области. В мировоззрении значительной части респондентов (2008–2009 гг.), несмотря на очевидное увеличение числа исламских организаций, всё ещё заметно воздействие антирелигиозной политики советского времени: 30% респондентов не верят в конец света; около 24,5% татар признались, что не совершают молитву; лишь 14,5% ответивших посещают мечеть регулярно; около 16% респондентов ежедневно совершают намаз; 53%

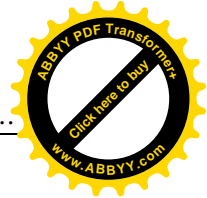
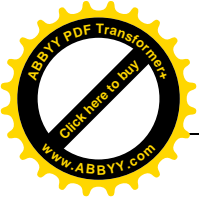
опрошенных не посещают мечеть. Исламскую литературу и Коран читают лишь 42,6% ответивших. Эти данные в целом совпадают с общероссийскими показателями [Каарийнен, Фурман, 1999], согласно которым только 10% посещают мечеть чаще, чем раз в месяц, 57% никогда не читали Коран, 23% часто молятся, 27% никогда не молятся. Верят в Аллаха 96,2% респондентов; относят себя к мусульманам 94,3%; не определились, какую религию исповедовать, 1,9%; отмечают исламские праздники (Курбан-байрам и Рамазан) 91,1% опрошенных нами татар, не отмечают их 4% и относятся к мусульманским праздникам безразлично 4,9%.

Остережёмся трактовать приведенные цифры однозначно, так как за несоблюдением ритуалов может скрываться незнание сущности религиозных праздников, его смыслообразующих элементов. Так, праздник Рамазан может отмечаться и без соблюдения обязательного поста. В этой связи показательны материалы, полученные в ходе всероссийского исследования татар [Там же]. Согласно им полностью соблюдают пост месяца Рамазан 23% опрошенных, частично – 31%. Эти данные в 3–4 раза ниже полученного нами показателя – 91,1%. Действительно, если большая часть респондентов декларативно подчеркивает свою приверженность исламу – верят в Аллаха, в существование души, ад и рай (87–97%), то реально тратят время и силы на следование основным исламским догматам (читают Коран и исламскую литературу, регулярно посещают мечеть) сравнительно небольшая часть опрошенных (15–40%) [Идиатуллов, 2010, с. 109].

Таблица 2

Количество мусульманских приходов в Ульяновской области на конец XX в.

Поселение	Количество мечетей
Ульяновск	9
Цильна	1
Новые Тимерсяны	1
Нагаево	1
Уразовка	1
Горенки	1
Татарское Урайкино	2
Старое Тимошкино	2
Новоспасское	1
Дракино	1
Поджуровка	1
Ишеевка	1
Евлейка	1
Ертуганово	1
Аллагулово	1
Чердаклы	2
Калда	1
Абдреево	1
Новые Зимницы	1
Старый Мостяк	1
Елховый Куст	2
Димитровград	1
Сабакеево	1
Поповка	1
Большой Чирклей	2
Муратовка	1
Енганаево	1
Татарский Калмаюр	1
Старый Атлаш	1
Абдуллово	1
Старая Кулатка	5
Ахметлей	1
Новые Маклауши	1

Елхово Озеро	1
Старый Уренбаш	1
Бахтеевка	1
Курмаевка	1
Мосеевка	1
Средний Сантимир	1
Новая Беденьга	1
Итого	57

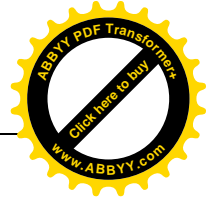
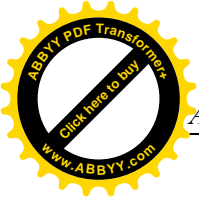
Примечание: источник – полевые материалы автора.

Однако число верующих мусульман постоянно растёт. В области зарегистрировано более 100 мусульманских организаций, они находятся под юрисдикцией Центрального духовного управления мусульман Ульяновской области и Регионального духовного управления мусульман Ульяновской области. Для сравнения в Республике Татарстан в 2001 г. насчитывалось 804 мусульманские организации, т.е. почти в 8 раз больше [Ходжаева, Шумилова, 2003, с. 106]. С учетом численности татар эти данные свидетельствуют «не в пользу» Татарстана. В Ульяновской области на одну мусульманскую религиозную организацию приходится приблизительно 1688 татар, а в Республике Татарстан – 2488, т.е. почти в 1,5 раза больше.

Возрождение мусульманских общин (махалля) в Ульяновской области, несмотря на объективную природу, происходит сложно и непоследовательно. С одной стороны, очевиден факт высокого образовательного уровня руководителей общин в г. Ульяновске. Среди них много тех, кто свой интерес к исламу объясняют преемственностью традиций татарского народа. С другой стороны, ощущается недостаток «квалифицированного» и харизматичного духовенства в сельской местности, где вынуждены нередко довольствоваться малограмотными муллами из старшего поколения. Глубинные интервью также подтверждают наше предположение: «У меня бабушка с пяти лет <...> учила нас, как правильно омовения совершать, чистота – это половина веры... Основы мы получили от бабушки... По милости Всевышнего в переходный возраст меня отправили в детский лагерь в медресе. За два месяца мы научились <...> читать Коран. Потом с медресе отправляли группу людей в Стамбул <...> Там тоже основы знаний по шариату получили. Потом поступили в Российский исламский университет в Уфе, высшее религиозное образование там получили» (муж., тат., директор медресе, 26 лет, г. Ульяновск); «Во-первых, на меня повлияли предки, дедушки, бабушки, вложили религию в меня, своим примером. “Бабай”, дедушка по отцу, в мечеть ходил сам, дожил до 98 лет, он много вложил... <...> В Турции учился, в Уфе» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Он [мулла] – пенсионер, до этого работал на ферме. <...> Его “сделали” муллой. Сейчас тенденция, когда наш глава района обучает мулл-пенсионеров. Много молодых людей (профессионалов), которые получили высшее религиозное образование, не могут работать имамами, потому что нет заработной платы. А для пенсионеров, у которых есть своя пенсия, это, скорее, хобби, или душевное спокойствие приходит, много времени проводят в мечети» (муж., тат., верующий, 21 год, с. Старое Зелёное).

Затрудняет развитие махалля в Ульяновской области сложность организации мусульман, объединения их в рамках одной общины, неизбежно возникающая в городских условиях. Тем не менее отмечается ряд позитивных результатов процесса возрождения мусульманских общин в городе. В частности, на базе одной из городских мечетей создан фонд «Садака и закят», призванный поддерживать благотворительную деятельность общины; функционирует сайт махалля1.ru с посещаемостью в 1 тыс. уникальных пользователей в сутки; общины ежегодно организуют выезды в Булгар, приуроченные, как правило, к началу лета. Из интервью: «15 лет организовываем поездку в Булгары» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Ежегодно мы принимаем в этом участие. Во время летних курсов водим детей. Исторически это важно» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Это наша традиция, наше достояние. В этих местах ислам принят сердцем. Если не знать этого, то не будет будущего. Мы ездим с шакирдами. У нас с этого учебный год начинается... Помогаем народу, чтобы они тоже ездили в Булгары» (муж., тат., директор медресе, 26 лет, г. Ульяновск).

Верующие мусульмане Ульяновской области – в основном татары, но есть представители и других этнических групп. Из интервью: «В нашем районе татары в основном живут. В пятницу другие нации: таджики, узбеки, чеченцы, ингуши. Есть тенденция: русские принимают ислам»

(муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Если люди нравственно воспитанные, умеют уважать обряды других людей, то двери нашей мечети для всех народов, которые считают себя мусульманами, открыты. Татар большинство» (муж., тат., директор медресе, 26 лет, г. Ульяновск).

Проповеди в мечетях ведутся на арабском, татарском и русском языках. Доля русского языка в проповеди велика в мечетях города, к чему молодые мусульмане относятся весьма положительно: «Проповедь должна быть на том языке, который понятен большинству прихожан. Говоря на татарском языке, который знают мало прихожан, имам не сможет им донести то, что он хочет сказать. Такая проповедь будет для “галочки”» (муж., тат., верующий, 29 лет, г. Ульяновск). Также изменилось отношение к месту проведения мусульманских и семейных праздников. Если раньше их стремились отмечать дома, то теперь в ряде приходских помещений появилась возможность организации праздников рядом с мечетью, в специально оборудованных комнатах: «Принципиально на дому проводили все обряды. Сейчас тенденция поменялась. Абсолютно все обряды можем здесь (в мечети. – А. К.) провести» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск).

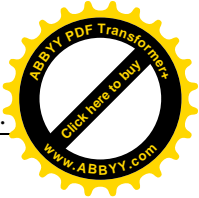
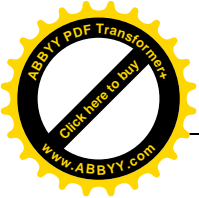
Главной возрастной базой религиозного возрождения является молодёжь. Из интервью: «Тенденция развития религиозности заметна среди населения в последнее время, особенно она заметна среди молодёжи» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск). Основным каналом получения религиозной информации, а также приобщения к религии является семья. В 2014 г. 78% респондентов ответили, что основам ислама их научили родители, 5% – что свои бабушки и дедушки. Среди молодых татар также заметно стремление самостоятельного познания ислама. В ходе духовных поисков посещают сайты религиозной направленности 17% респондентов.

Приведём ряд отрывков из интервью с верующими татарами, демонстрирующих, что, несмотря на достаточно широкий спектр религиозного поиска молодёжи, отправной точкой их духовного пути, обретения исламских знаний по-прежнему остаётся семья. Из интервью: «Прабабушка читала намаз, училась в медресе. Когда в деревню приезжал, я совсем маленький был (начало 90-х), перед глазами всегда были аяты из Корана» (муж., тат., верующий, 29 лет, г. Ульяновск); «В школе <...> о смысле жизни, о вере в Аллаха не задумывался. Это пришло ко мне на втором курсе университета. У меня бабушка, которая давно практиковала, деликатно говорила, что мы сами должны прийти к этому. Отвечала на интересующие нас вопросы <...> Фундамент закладывался в детстве, бабушкой» (муж., тат., верующий, 21 год, с. Старое Зелёное); «Для нас вера была в сердце, в душе <...> А к религии пришли позже. Первый папа пришёл, то есть начал практиковать ислам, потом через 10 лет я, затем остальные» (жен., тат., верующая, 25 лет, г. Ульяновск).

Ещё одна особенность исламского возрождения у татар связана с возникшими на его фоне национально-политическими движениями. Так, с 1994 по 1995 г. в Ульяновской области активно действовала народно-демократическая партия «Ватан». Официальной целью партии был созыв представительного органа – Милли Меджлиса (ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–7). Для реализации своих целей руководители партии планировали проведение джиенов (собраний) в сельских районах, в связи с чем ими были распространены листовки националистического характера. Идеей общественно-политического движения была реанимация былого национального величия татар и возвращение им исконных территорий, так называемых могил предков. Представители партии активно использовали сохранившуюся в среде татар память о суфийских святых и их могилах. Стоит отметить, что эта партия, а также попытка выборов Милли Меджлиса не получили широкой поддержки в Ульяновской области, были проигнорированы даже сельские джиены. Лишь в г. Димитровграде 50 человек провели короткий молебен, убрали территорию кладбища и могилы родственников, в с. Новые Зимницы на могилу шейха Х. Хансаварова 15 мая 1994 г. приехали 5 жителей Пензенской области (ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 33. Л. 3), а 29 мая 1994 г. состоялась попытка проведения VI Курултая Симбирского улуса, в которой приняли участие 11 человек (ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 33. Л. 10).

Быстрые перемены в мусульманском сообществе региона в конце XX – начале XXI в. не могли не вылиться в противостояние на религиозной почве. С одной стороны – «номинальные», или «этнические» мусульмане, идентифицирующие себя с исламом, но не исполняющие всех мусульманских обрядов. Как правило, они подчёркивают связь с культурной традицией прошлого, представляющей собой конгломерат двух элементов: 1) «народного ислама», сформировавшегося до революции; 2) специфического новообразования XX в. – советского ислама.

Основная масса татар Ульяновской области, по всей видимости, является носителем народ-

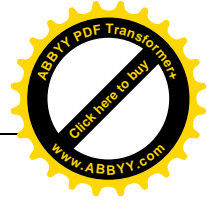
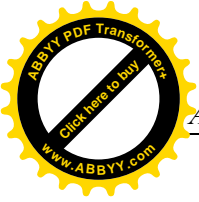

ного ислама, который отличается от ортодоксального синкретичностью и полиморфностью. Народный ислам опирается на практические потребности и мифологическое мышление, что объясняет его упомянутые качества. Он в некоторых своих моментах имеет очень мало общего с исламом ортодоксальным, так как переплетен с язычеством. Советский период усугубил специфику народного ислама, значительно понизив уровень религиозной компетенции населения, что в итоге усилило эмоциональную составляющую мировоззрения. Например, по данным нашего анкетирования 2008–2009 гг. к колдунам и знахарям обращаются в возрасте до 30 лет около 26% опрошенных, в возрасте старше 30 лет – 33% их. Не менее 4% респондентов читают книги по магии и сонники и даже совершают определенные магические действия в основном гадательного характера. К гадалкам обращались 11% опрошенных, самостоятельно занимались гаданием (обычно на игральных картах и по снам) 17% респондентов. Истоки сегодняшних «неоязыческих» взглядов части татар лежат в «исламизированном» шаманстве, которое представляет собой своеобразное мифологическое мировоззрение, опосредованное мусульманскими представлениями и атрибутами: нередко в ходе таких обрядов читается молитва, магические действия могут восприниматься как исламские [Идиатуллов, 2013, с. 35]. У татар Ульяновской области встречаются такие отчасти «исламизированные» шаманские практики и представления, как гадание по книге (китап ачтыру), гадание по снам (төш кую), сглаз (кюз тигян), порча и приворот (быздру/зарар/сюдрю), а также излечение от болезней (эшкрю). Можно констатировать, что в среде «этнических мусульман» часто сохраняется доисламская традиция, которая, будучи разрозненной и трансформированной из-за воздействия ислама, в ряде случаев противопоставляет исламу простоту своей формы, интеллектуальную доступность для массы населения (не требует знания исламских догм и ритуалов), отвечает сиюминутным запросам, обеспечивает в большей степени «видимое», эмоциональное, но весьма оперативное разрешение проблем.

С другой стороны – представители «нового исламского движения» [Ярлыкапов, 2006, с. 59–60], для которых религия и религиозность ассоциируются в меньшей степени с прошлым татарского народа, в большей же степени с прямыми источниками мусульманской религии – Кораном, Сунной, проповедями имама, а также с соответствующими обрядами (шахада, намаз, никях). Зачастую этнические мусульмане оценивают подобные течения как радикальные и негативные. Возрастная основа нового исламского движения – молодёжь различной национальности (татары, русские, чуваша, мордва), которые склонны к регулярной практике исламских обрядов, соблюдению мусульманских норм и обычаев. Радикальные представители новых мусульман (салафиты, ваххабиты), как правило, видят в этнических мусульманах «стихийных язычников, нуждающихся в немедленном приобщении к ценностям чистого ислама» [Силантьев, 2007, с. 419].

Показательно, что поведение представителей нового исламского движения воспринимается иногда этническими мусульманами излишним, показным, не имеющим ничего общего с устоявшимися веками традициями. Например, четко выраженную регламентацию в среде новых мусульман имеет одежда женщин и борода у мужчин, которые в глазах этнических мусульман выглядят чрезмерными. Так, девушки, принадлежащие к новым исламским общинам, ходят в длинных платьях с длинными рукавами и платках, повязанных на турецкий манер. Такой наряд никогда не был характерен для татарских женщин, которые даже платки завязывали по-другому (четырёхугольно) [Сабирова, 2000, с. 173].

У представителей умеренного течения ислама (сунниты ханафитского мазхаба) отношение к внешним атрибутам религиозности также неодинаково. Значительная часть духовенства и верующих подчёркивают, что к самой религии ношение бороды и платков не имеет прямого отношения. Из интервью: «Ношение бороды – не признак религиозности <...> Человек может быть без бороды, но настолько искренним, помогая медресе, детским домам; человек может быть с бородой, но хитрым. Хиджабам и платкам рады. Для девушки (ношение платков. – А. К.) – признак религиозности, каждодневное испытание религиозного, так как многие показывают пальцем» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «По внешности не судят. Не признак религиозности. В религии составляющих много, не только обряды, традиция, но и нравственность. Мусульманин – высоконравственный человек. Всё от этого. Одеда ли она платок, не важно» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Это только внешний атрибут. Это даже не религиозность. Я не хочу их в этом обвинять, но со временем они должны прийти к истинным ценностям. Сначала берут от ислама то, что им нравится, самое трудное оставляют напоследок» (муж., тат., верующий, 21 год, с. Старое

Зелёное).

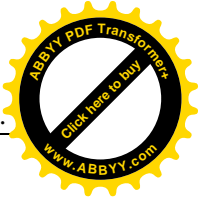
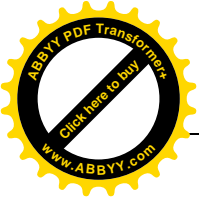
Таким образом, между этническими мусульманами и представителями «новых исламских движений» обозначился определённый психологический, в большей степени эмоциональный, разрыв, который, конечно, не может благоприятно сказаться в целом на ренессансе ислама. Раскол усугубляется также из-за известного упорства радикальных новых мусульман в вопросе агитации традиционалистов к «более чистой» форме религии. В 1999 г. в Ульяновске были даже отмечены стычки между представителями «нового исламского движения» и традиционными мусульманами [Силантьев, 2007, с. 438–439]. Однако само стремление этнических мусульман защитить «религию предков» от посягательств извне, пусть даже исламских, является свидетельством сохранности в массовом сознании татар представлений «народного ислама», воспринимаемого ими в качестве культурной традиции [Хабенская, 2002, с. 238].

Остерегаясь применения ярлыков в отношении таких терминов, как «ваххабизм» и «салафизм», выскажем предположение о наличии в Ульяновской области представителей крайних течений ислама. По мнению А. А. Ахметова, ещё в 1990-е гг. среди татарских активистов Ульяновской области, особенно тех, кто представляет духовно-религиозное направление, зарождались элементы мусульманского фундаментализма (ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 31. Л. 3). Относящиеся к умеренному течению «нового исламского движения» связывают первоначальный успех радикальных мусульман в деле обращения татар с атеистической политикой советского времени, повлиявшей на неграмотность большей части татарского народа, и быстрой либерализацией общества, усилившей приток чужих идей на территорию бывшего СССР. Анализ глубинных интервью показывает, что пик популярности радиального ислама пришёлся на начало 1990-х гг., после чего произошёл некоторый спад активности его сторонников. Из интервью: «Религиозный экстремизм не поддерживаю. В начале 1990-х много эмиссаров приезжало, непонятно откуда и как. Воспользовавшись безграмотностью стали трактовать аяты священного Корана, хадисы в том русле, каком им нужно было. Непосредственная связь между салафитами и радикалами существует. Моё наблюдение – салафиты постепенно смирились... Есть такие примеры, когда из радикального ислама приходили в умеренный ислам» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Почему это происходит. Потому что, тенденция пошла, границы открылись, хлынули все чуждые ценности других народов... Сейчас молодёжью пользуются, их неграмотностью, вылавливают их в момент поиска. Наверное, однозначно сказать, что есть прямая зависимость между салафитами и экстремизмом, нельзя. Среди них есть разные люди. Есть крайние, умеренные. Они же мутируют, приспособливаются» (муж., тат., имам мечети, 35 лет, г. Ульяновск); «Экстремизм представлен ваххабизмом, который в последнее время становится всё слабее и слабее, он был силён в 90-х гг. Всё меньше таких представителей, которые имеют крайний взгляд <...> Они финансируют большими деньгами тех, кто вступают в ряды. В 1990-е гг. ваххабизм взял пальму первенства. Потом стал проявляться традиционный ислам... Наше село обошло стороной это явление, а в Старой Кулатке наблюдается. Даже есть отдельная мечеть» (муж., тат., верующий, 21 год, с. Старое Зелёное).

Глубинные интервью зафиксировали противостояние умеренного и радикального (салафиты, ваххабиты) течений в регионе. Из интервью: «Бывают разногласия внутри ислама. Особенно они сказываются, когда создаётся семья. Желательно, чтобы одного течения были супруги» (жен., тат., верующая, 25 лет, г. Ульяновск); «Я знаю, есть люди, которые называют других людей, которые не ходят в платках, кяфирами. Я вообще не люблю таких людей. Я им пытаюсь объяснить: “Какое ты имеешь право обвинять другого человека, может он дома намаз читает, и намного выше перед Аллахом, чем ты?” Это странные люди...» (жен., тат., верующая, 21 год, г. Ульяновск).

Умеренных и этнических мусульман в отличие от радикальных сближает общее уважение к прошлому народа, к Булгарам, как колыбели мусульманской цивилизации в Поволжье, а также к поминальным обрядам, обязывающим чтить память предков. Из интервью: «Если у человека радикальный взгляд <...> Есть у [них] радикальное отношение к поминкам, оно основано на политической почве. Если поминок не будет, то не будет истории <...>. Кто не знает прошлого, у того не будет будущего. У них есть намерение, чтобы у народов не было будущего» (муж., тат., директор медресе, 26 лет, г. Ульяновск).

Наконец, существует «переходная группа» мусульман по отношению к исламу, которая соблюдает только те мусульманские нормы, которые имеют социальное значение [Ходжаева, Шумилова, 2003, с. 106–108]. Из интервью: «Многие сейчас начали принимать ислам, но это чисто

внешне идёт. Раньше возможно внешне кто-то не показывал (хиджаб и т.д.), но намаз читал, но искренне веровал... Обычно, кто внешне, они через несколько лет снимают всё и сбрасывают. Много разных. Кто-то даже пытается на этом заработать, на том, что он мусульманин» (жен., тат., верующая, 21 год, г. Ульяновск); «Молодёжь увлекается исламом как субкультурой, привлекательна не внутренними ценностями, а внешними атрибутами, одеждой, плакатками, для мужчин – борода. Со временем молодёжь начинает открывать для себя самое главное в религии – ценности внутренние» (муж., тат., верующий, 21 год, с. Старое Зелёное).

Итак, исламский ренессанс в регионе проявляется как в увеличении количества мусульманских приходов, так и в росте числа верующих, в основном за счёт молодёжи. Само по себе исламское возрожденчество в среде татар не несёт негативных последствий, однако в его русле могут существовать нестабильные образования, такие как национально-политические партии. Исследование показало, что возникло некоторое напряжение на фоне инкультурации «нового ислама», в том числе салафитского, в пространство традиционной татарской (дореволюционно-советской) религиозной культуры. Поиск новой религиозной идентичности в аспекте взаимодействия, а чаще и противостояния традиции и инновации протекает у татар непросто. Однако стоит отметить наметившуюся в среде умеренного духовенства и верующей интеллигенции попытку переосмысления ислама в более широком, социокультурном, контексте, что должно в конечном счёте привести к появлению взвешенной позиции относительно роли религии в обществе вообще и в жизни татарского народа в частности.

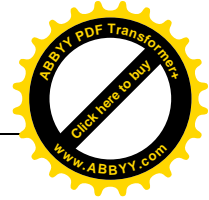
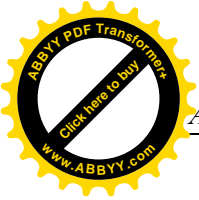
Примечания

¹ Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке внутривузовского конкурса грантов в рамках Программы стратегического развития Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова..

Библиографический список

- Воробьёв В. К.* Из истории селений Майнского района Ульяновской области. Люди. События. Факты. Ульяновск, 1997.
ГАНИ УО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 31. Л. 3; Д. 33. Л. 1–7, 10; Оп. 3. Д. 25. Л. 1.
Идиатуллов А. К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). Ульяновск, 2010.
Идиатуллов А. К. Взаимодействие исламских и шаманских представлений в народной медицине татар Среднего Поволжья // Глобальный научный потенциал. 2013. № 8.
Каарийнен К., Фурман Д. Татары и русские – верующие и неверующие, старые и молодые // Вопр. философии. 1999. № 11.
Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (дата обращения: 12.09.2014).
Сабирова Г. Мусульмане Татарстана и Дагестана: идеалы и идентичности // Другое поле: Социологические практики. Ульяновск, 2000.
Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. М., 2007.
Хабенская Е. О. Ислам в структуре татарской идентичности, по материалам интервью с представителями татарской интеллигенции Саратова, Казани и Москвы // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002.
Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодёжи в республике Татарстан // Социол. исследования. 2003. № 3.
Ярлыкапов А. А. «Народный ислам» и мусульманская молодёжь центрального и северо-западного Кавказа // Этногр. обозрение. 2006. № 2.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.09.2014

ISLAMIC REVIVAL AMONG THE TATARS OF ULYANOVSK REGION: THE RISE OF RELIGIOUSNESS AND INTRARELIGIOUS PROBLEMS

A. K. Idiatullov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov, 432700, The 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin sq., 4, Ulyanovsk, Russia
AzKoIdiat@yandex.ru

The specificity of the Islamic revival among Tatars and the main Islamic trends in Ulyanovsk region are described in the paper. Ten interviews and two questionnaires organized from 2008 to 2014 have provided materials describing the religiousness of the Tatars. The author identifies common trends in religious life of the Ulyanovsk region and analyses the interaction of traditional Muslims and the new Muslim movement. The Islamic revival is manifested in an increase of the number of Muslim parishes and in the growing number of believers, mostly young. The Islamic revival among Tatars does not lead automatically to negative consequences, but some unstable formations such as national political parties can exist within it. The study shows some tensions because of the inclusion of a "new Islam" into the Tatar traditional religious culture. The search for a new religious identity in the conditions of confrontation between tradition and innovation is not an easy process. However, the author notes that moderate clergy and believing intellectuals attempt to rethink Islam in a broader, socio-cultural, context, which may lead to a balanced position on the role of religion in society in general and in the life of the Tatar people in particular.

Key words: Islam, the Tatars, religion, mosque.

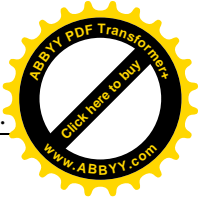
References

- Vorob'ev V. K. Iz istorii seleniy Maynskogo rayona Ul'yanovskoy oblasti. Lyudi. Sobytiya. Fakty. Ul'yanovsk, 1997. GANI UO. F. 112. Op. 2. D. 31. L. 3; D. 33. L. 1–7, 10.
GANI UO. F. 112. Op. 3. D. 25. L. 1.
Idiatullov A. K. Dukhovnaya kul'tura tatar-misharey Ul'yanovskoy oblasti (v kontekste problemy religioznogo sinkretizma). Ul'yanovsk, 2010.
Idiatullov A. K. Vzaimodeystvie islamskikh i shamanskikh predstavleniy v narodnoy meditsine tatar Srednego Povolzh'ya. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 2013. № 8.
Kaariaynen K., Furman D. Tatory i russkie – veruyushchie i neveruyushchie, starye i molodye. *Vopr. filosofii*. 1999. № 11.
Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.* URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (data obrashcheniya: 12.09.2014).
Sabiroya G. Musul'mane Tatarstana i Dagestana: idealy i identichnosti. *Drugoe pole: Sotsiologicheskie praktiki*. Ul'yanovsk, 2000.
Silant'ev R. Noveyshaya istoriya islama v Rossii. M., 2007.
Khabenskaya E. O. Islam v strukture tatarskoy identichnosti, po materialam interv'yuu s predstavatelyami tatarskoy intelligentsii Saratova, Kazani i Moskvy. *Musul'mane izmenyayushcheyssa Rossii*. M., 2002.
Khodzhaeva E. A., Shumilova E. A. Vozrozhdenie religii i etnicheskaya identichnost' tatarskoy molodezhi v respublike Tatarstan. *Sotsiol. issledovaniya*. 2003. № 3.
Yarlykapov A. A. «Narodnyy islam» i musul'manskaya molodezh' tsentral'nogo i severo-zapadnogo Kavkaza. *Etnogr. obozrenie*. 2006. № 2.

Приложение

Вопросы глубинного интервью

- В последние 20 лет заметно усилился интерес людей к религии. Часто говорят о религиозном возрождении у нас в стране и о возрождении ислама среди людей, предки которых традиционно его исповедовали. Что Вы думаете по этому поводу? Возможно ли в современных городских условиях возродить махалля? А что сегодня ислам дает татарскому народу? Что может дать вера современной молодежи?
- За последние 20 лет все большее число людей считают себя верующими. В Вашей общине это заметно?
- Известно, что люди приходят к вере по-разному: кто-то изначально был воспитан в семье, кого-то жизненные обстоятельства подтолкнули. А как Вы пришли к вере? Есть ли у Вас специальное образование, полученное в религиозном учебном заведении?
- По Вашему мнению, кто такой истинно верующий человек? В чем в первую очередь проявляется его вера? Происходят ли какие-то качественные изменения в религиозности современных людей? В чем это проявляется? Среди населения сейчас достаточно распространено представление о том, что в современном обществе строго выполнять все требования, обряды, нормы своей религии верующему необязательно, а достаточно того, что он сам себя считает верующим мусульманином, соблюдает нравственные нор-

мы, иногда молится своими словами, иногда посещает службу, возможно, несколько дней держит пост? Каково Ваше мнение по этому поводу?

- Проводите ли Вы некоторые религиозные обряды, такие как никах, исем кушу, в мечетях или только в домашних условиях?

- В последнее время мы все чаще можем видеть женщин в хиджабах, мужчин с небритыми бородами – считаете ли Вы, что это признаки истинной религиозности? И в связи с этим еще вопрос – о допустимости или недопустимости ношения хиджабов или платков девочками в светских школах?

- Мы знаем, что существует мнение, что религия должна модернизироваться, изменяться в соответствии с образом жизни современного человека. А как Вы считаете?

- Верующие Вашей мечети – это главным образом татары или люди разных национальностей?

- Как Вы относитесь к тому, что в городских мечетях стали чаще читать проповеди на русском языке? А на каком языке – в Вашей мечети?

- Каковы взаимоотношения представителей разных национальностей внутри мусульманского сообщества Вашего города и региона?

- Были ли в Вашем городе какие-то трения, конфликты на религиозной почве? Из-за чего? Каким образом они были разрешены?

- Известно, что в России существует множество Духовных управлений, подчас в одном регионе несколько. В последние годы в мусульманской умме России стали высказываться идеи о необходимости создания единого централизованного духовного управления мусульман, которое должно положить конец раздробленности. Какова Ваша точка зрения на эту проблему?

- В последние годы в центральных и восточных регионах России все чаще стали сталкиваться с проявлениями религиозного экстремизма, с насилием, оправдываемым религиозными целями. Приходилось ли Вам лично общаться с людьми фанатично настроенными, зараженными религиозным экстремизмом (расскажите, пожалуйста, о своих впечатлениях)?